

СКАЗОЧНИК МУДРЫЙ И ДОБРЫЙ

ТЕАТР ЛЕОНИДА ЕНГИБАРОВА ВО ЛЬВОВЕ

Леонид Енгибаров знает и любит многие. Актора — по фильмам, клоуна — по цирку, литератора — по рассказам и новеллам в журналах. А недавно родился новый театр — Московский эксцентрический эстрадный театр Леонида Енгибарова. И вот он на гастролях во Львове...

Акробат и клоун, жонглер и мим, он же — один из авторов спектакля, Леонид Енгибаров неповторимо индивидуален. За каждой его сценой, аттракционом, пантомимой — тончайшее отточенное чувство, прорывающее во всеобщее пространство улыбки. Очень широкая его палитра: от мягкого, доброго юмора, на котором «настроены» вся трюковая часть

спектакля и многие мимические сценки, до разящей политической сатиры («Тотальная мобилизация», «В костюме»).

Леонид Енгибаров печатает день с работы за письменным столом. Когда берется за перо, пишет рассказы, новеллы, еще не знает, где это увидит свет. Выходит удача — вызывают издательства. Получается — значит, принимается сценарий. А иногда так и остается произведение в «известностельном» варианте. Подготовил и печатает книжку рассказов. Початался в журналах — «Док», «Волга», «Москва», «Ангара», «Литературная Армения»... Недавно и в журнале «Украина»

появился его рассказ — там он представлял юмористическую «сборную». Москва... В одно из издательств сдана повесть...

В прошлом он — боксер, учился в институте физкультуры. С третьего курса института пошел на эстраду Московского училища, образного и циркового искусства. Отдал в дар рингу, перешел на сцену... И какие-то «боксерские прищипы», наверно, сохранились. Джеймс Олдридж интересно заметил: в том, кто делает Енгибарова на сцене, чувствуется юркая агрессивность. Так вот, сделавшаяся смелая, ритмичная, спортивная, «агрессивность» — оттуда, из спорта.

В шутилой биографии, которая будет открывать книжку рассказов Л. Енгибарова, написано: «Люблю море, осень и Винсента Ван-Гога. Боюсь благополучия». Того самого, которого боялся Маяковский.

Ище увлеченнее — библиотечка. Дво с половинной тысячей томов, которые собрал своими руками. Конечно же, она — в «орудие производства», первое подспорье в работе...

Наш корреспондент попросил артиста рассказать читателям о своем театре, о друзьях, о себе. Вот что он рассказал.

езжали в Одессу и вот теперь — во Львов. Это — самые крупные города на пути нашего следования, и они, так сказать, решающий для нас экзамен. Стараясь как можно лучше его выдержать.

Уже закончили сценарий и следующего спектакля. Здесь, во Львове, приступили к репетициям. Торопимся? Думаю, что нет. Мы — театр, а театр — это на гастрольная группа, которая, сделав хорошее представление, может разъезжать несколько лет — от Владивостока до Рима. В цирке иногда, к несчастью, так и происходит. Актер всю жизнь выступает с одним и тем же номером и потом, в конце пути, даже гордится: вот я, мол, целых 20 лет одно и то же делаем. По-моему, этим гордиться не надо, это трагедия. Мы не хотим быть похожими на такого рода гастролеров. Театр — это прежде всего репертуар. Как только выпустим на свет новую пьесу, два спектакля будут идти параллельно.

Наш театр — эксцентрический. Это

значит, проще говоря, клоунский. В самом широком смысле этого слова. Помните, Чарльз Чаплин говорил: «Я клоун», хотя он великий режиссер, великий актер, великолепный композитор. Ведь клоун — это не профессия. Это отношение к жизни.

Каким словом можно заменить слово «эксцентрический»? Я бы заменил, например так: «Театр сказки». Потому что сказка — это очень серьезно, это не только для детей. Ведь каждая сказка несет в себе второй план, всегда мудрый и обязательно добрый. Иногда немножко грустный...

Предпосылки к созданию театра заключались в том репертуаре, который был у нас в руках. Искали себе применения, нового выражения, актерские принципы, актерское умение, приобретенные за многие годы. В цирке мы начинали переступать границы жанра. Так что не обеднять себя! Отказаться от серьезных, глубоких по мысли пантомимы — таких как «Жизнь женщины»,

«Тотальная мобилизация», «В костюме»? Это значило обрезать себе крылья...

Есть целый ряд тем, идей, которые мы можем выразить только на сцене. Как бы мы ни любили цирк, но скажем, «Гамлет» в цирке не поставишь — это будет профанация. И зачем? Цирк, с его животными, с его какой-то наивностью имеют определенные границы. Другое дело — театр...

О ДРУЗЬЯХ. У нас в театре существует принцип: кто не друг — тот нас может быть и партнером. Режиссер театра Юрий Белов — еще и мой близкий друг. Он меня выпускал из циркового училища. И в цирке, и на эстраде мы всегда с ним работали. Мы понимаем друг друга с полуслова, полуулыбки. Театр — это коллектив, группа людей, объединенных единым порывом, единым мировоззрением, и... остается только радоваться, что нам удалось найти друг друга.

Наши остальные дядеры — это тоже друзья. Они еще молоды, с уве-

жением относятся к своему театру, очень им увлечены.

Друзья — это, конечно, и те, кто помогает нашему делу. Многие из них — старые друзья; они приняли наш театр, что, разумеется, очень важно. Во Львове, к примеру, был спектакль известный артист Олег Стриженов (он сейчас здесь на сьемках). Мы знакомы давно, и перешивал он, пожалуй, больше меня. Ряд, что все переживания скончались хорошо...

ЕЩЕ НЕМНОГО — О ЛЬВОВЕ. Это прекрасный город, удивительный! Одесса, Ленинград, Львов — вот города, которые больше всего люблю. Во Львове очень хорошо просто побродить. А кроме того, город — это, конечно, люди. Я вижу их лицом к лицу на каждом спектакле. Эти люди не могут не нравиться. И как люди, и как зрители.

На снимке: сцена из спектакля «Причуды клоуна».

Фото В. Силина.

24 НОЯ 1971

Львовская правда